

ЖОДНЫИ СВѢТЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

для дамъ

Годовая цѣна I-го изданія: Съ 12 раскрашенными картинками: в С.-Петербургѣ, безъ доставки . . . . . 4 р. — к. — съ доставкою . . . . . 5 „ 50 „ Съ пересылкою въ другіе города . . . . . 6 „ — „	Журналъ „МОДНЫИ СВѢТЪ“ выходить въ вѣдѣстѣи 48 номеровъ въ годъ, съ 2000 иллюстраціями расулящими въ тѣхъ, съ 12 рисунками наперснѣ, 12 вырѣзками вырѣз- ками въ натуральную величину и 12 или 24 раскрашенными картинками парижскихъ модъ. Объявленія въ журналъ „Модныи свѣтъ“ принимаются въ Конторѣ Редакціи и вывѣсены наплакатомъ по 10 к. на строку въ номерѣ, или за сѣбѣ.	Годовая цѣна II-го изданія: Съ 24 раскрашенными картинками: Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки . . . . . 5 р. — к. — съ доставкою . . . . . 6 „ 50 „ Съ пересылкою въ другіе города . . . . . 7 „ — „
--	--	--

СОДЕРЖАНІЕ: За тронъ и жизнь. Историческій романъ Гюлстала. (Продолж.). — Писемъ въ шеннѣ. (Продолж.). — Ода. Рассказъ. — По поводу книги г-жи Лесвальдъ „За и противъ женщинъ“. — Фелдатовъ. — Новые моды. — Свѣтъ. — Продолженіе описанія раскутокъ № 19. — Объявленія.

ЗА ТРОНЪ И ЖИЗНЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ГЮЛСТАЛА.

(Продолженіе).

VII.

Заговоръ герцога Бервика.

Блѣдные лучи мѣсяца освѣщали матовымъ свѣтомъ Рюмш-Мооръ, заутраченные густымъ покровомъ тумана. Въ оный дома контрабандиста свѣтился огонь. Глубокая тишина прерывалась лишь вывѣсившимъ ягучемъ, наплакившимъ болота. Нарѣдка нарушалось однообразіе картинъ. Тамъ и сямъ въ пространствѣ, освѣщенномъ мѣсяцемъ, показывались тѣни; онѣ дингались изъ разныхъ мѣстъ и сталкивались между собою; всѣ тѣни сбились къ одному большому темному предмету, расположенному среди тумана: это были дѣти Гунта. Когда тѣнь подходила къ двери, слышался легкій стукъ — два голоса произносили извѣстный слогъ, дверь открывалась и тѣни исчезали.

— Что тамъ за люди у камина? — обратился Герцогъ къ Харноу.

— Это гг. Кинчъ, Чамберсъ и Куртенанъ.

— Герцогъ, Харноу и Барклай стояли въ небольшомъ пространствѣ за подвижной перегородкой, позади которой дѣстница вела въ спальню Герцога. Берникъ раздвинувъ немного доску перегородки и могъ ясно видѣть заду и людей, мало по малу наполнявшихъ ее.

— Вотъ вошли два очень важныя лица, произнесъ шопотомъ Харноу. Это Мисселевъ, майоръ Локъ, а за ними старый Клиффордъ.

Дверь опять отворилась и въ залъ вошелъ мощный мужчина, короткаго, суди по его рѣшительному виду, пренебрегающаго всѣми опасностями; онъ протянулъ руку Клиффорду.

— Это шотландецъ Фергюсонъ, — за нимъ ходитъ сэръ Рокеръ и Странгъ; а вотъ и докторъ Персепотъ, очень утонченъ челоѣкъ; онъ поможетъ намъ при составленіи всѣхъ нашихъ посланій и протоколовъ.

Берникъ одобрително кивнулъ головой. — Теперь вы видите сэра Уолбана; онъ пришолъ съ

лордомъ Куртенанъ; а! — вотъ тамъ Говардъ и даже Брнчъ и Динанъ явились сюда.

— Кто это вошелъ съ той стороны въ комнату? къ нему въ подходить.

— Это онъ изъ предводителей заговора, Герцогъ Портеръ.

Подсказывавшие за перегородкою имя различали громкіе разговоры, споры присутствовавшихъ. Гунтъ и его сауга бѣгали вадъ и впередъ, равно вино и кружки; союзники разсѣивались по стульямъ, образовывая группы, разговаривавшія съ энергическими жестиами. Наконецъ раздался громкій голосъ лорда Говарда: « сэръ Портеръ, мы должны начать хотъ и безъ него. »

— Хорошо, мизордъ, и сейчасъ позову посланнаго отъ короля, сказалъ Портеръ.

— Онъ сегода поступалъ въ перегородку. Въ залѣ наступила тишина. Берникъ отодвинулъ перегородку. На немъ былъ праздничный костюмъ; онъ вошелъ въ среднюю собранія. Всѣ встали со своихъ мѣстъ; нѣсколько мгновеній общество находилось въ недоумѣніи, по затѣмъ лордъ Говардъ воскликнулъ:

— На колѣни, приверженцы короля! Имя Стюартъ присаждъ къ намъ своего сына. Передъ нами лордъ Фрицъ Яковъ, герцогъ Берингскій. »

Совоизанъ радостно прильнулъ къ рукамъ и удерживалъ отъ колѣнопреклоненія. Тутъ узнали его многие другіе, очень давно не виданные любимаго сына изгнаннаго короля; — онъ возмужалъ съ тѣхъ поръ, по всѣмъ показанъ знакомымъ его голоса, когда онъ вскрѣчалъ:

— Благодаря насъ друзья, отъ имени короля. Появленіе Берника произвело сильное впечатлѣніе; оно было дѣйствительно въ высшей воодушевляющей прокламаціи.

— Вы видите, друзья мои, сказалъ Харноу, что я не преувѣщаю, обѣщая вамъ въ послѣднемъ засѣданіи представить высokaго посла короля Якова.

Бернику представили нѣкоторыхъ лицъ; онъ не рассчитывая нѣтъ союзниками такихъ могущественныхъ людей. Протгивая руку Портеру, Берникъ сказалъ: « Я слышалъ, что вы одинъ изъ лучшихъ, сэръ. Благодаря вашему усердію и предусмотрительности, дѣло значительно подвину-

лось впередъ. Вы не напрасно трудитесь — королю вознаградитъ насъ, какъ только снова вступитъ въ свои права. »

— Ваше высочество, возражалъ Портеръ, дѣло наше, кажется, идетъ очень удачно; но мы не должны останавливаться на подорогѣ.

— Не будьте слишкомъ поспѣшны, предостерегъ Берникъ, понимая гоность. « Англичане страшный народъ въ томъ отношеніи, что уясняются, когда дѣло идетъ объ устраненіи врага изъ засады, посредствомъ пули или кинжала. Между заговорщиками всегда найдется измѣнникъ. Фельронъ не нѣтъ сообщниковъ, оттого предприятие и удалось ему. »

— О, ваше высочество, сказалъ Портеръ, и беру Оранца на себя.

Берникъ, не смотря на свою рѣшимость, почувствовалъ небольшую дрожь, стоя близко подѣлъ челоѣва, который съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ открывалъ свое ужасное намѣреніе.

— Гм., — произнесъ онъ, дѣло, можетъ быть, обошлось-бы какъ нибудь иначе. Во всякомъ случаѣ, мы должны стараться избѣжать кровопролитія.

Портеръ покачалъ головою, какъ бы говоря: плохой-же вы заговорщикъ.

— Ну, довольно, громко произнесъ Берникъ.

— Я думаю, друзья, мы можемъ начать совѣщаніе.

— Все уже готово, ваше высочество, отвѣчала Харноу.

— Начнемте.

Совоизанъ сѣлъ. Георгъ Портеръ какъ будто искалъ чего-то глазами, — онъ осматривалъ каждый уголъ комнаты; лицо его было мрачно; онъ, повидимому, искалъ и не нашолъ чего-то очень важнаго.

Берникъ вошелъ въ кругъ заговорщиковъ.

— Я долженъ знать, началъ онъ, все-ли безопасно ввернуть насъ?

— Совершенно, ваше высочество. Стража разставлена. При малѣйшей опасности, мы будемъ извѣщены. Въ этомъ дѣлѣ много скрытыхъ мѣстъ. Лошадь прѣхавшихъ сюда гоность стоять въ конюшнѣ Гунта, сказалъ Харноу.

— Итакъ, друзья мои, напередъ представлю намъ сэра Георга Барклая, уполномоченнаго его

вѣдѣвства Якова II. Какъ я слышала и убѣдился, предприятие идетъ удачно. Бентъ, Суссексъ, Эссексъ и Миддлсексъ, также Суррей наблюдаютъ дружелюбно, которые готовы вѣстись за оружіе въ рѣшительную минуту. Сооружено тридцать тысячъ большихъ arsenalov, нужная капиталъ годовъ; здѣсь находится списокъ всѣхъ нашихъ союзниковъ, равно какъ и прислуги ихъ и управленіемъ ихъ имѣніями, на которыхъ мы можемъ рассчитывать въ рѣшительную минуту. Друзья мои, я нисколько не сомнѣвался въ столь большой вѣрѣ преданности, но желалъ увидѣть своими глазами и услышать своими ушами, чтобы довести обо всемъ королю. Король употребитъ все старанія для поддержанія этой привязанности къ его дому. Кроме того, что сказано въ прокламации, присланной отъ Якова II лордомъ Барклаемъ, я возбудилъ вѣсть отъ себя, что его вѣдѣство серьезно рѣшилось отказаться на все противъ похитителя его короны. Я!—однословецное слово короля, въ моихъ глазахъ течетъ его кровью,—я приказываю вамъ во имя Якова II, отца страны и религіи. Долго-ли еще должны будутъ гибнуть лучшія силы Англіи въ безполезной войнѣ. Этотъ Оранскій возстановитъ всю Европу противъ себя и Англію, если не будетъ свергнутъ. Только что кончилась одна война—страшъ уже угрожаетъ другой. Еще не кончались выборы въ парламентъ, какъ приготовленъ новый бѣдъ: о продолженіи военныхъ дѣйствій Оранскій въ Нидерландахъ;—передаете нашимъ людямъ и фермерамъ, возвестите въ городахъ и селахъ, что похититель короны Стюартовъ есть въ то же время разрушитель мирной жизни горожанъ, что его истощаетъ силы страны, чтобы за собой, за собой однимъ обещать престолъ, который до тѣхъ поръ будетъ подъ нимъ шататься, пока не успокоится благородные боины въ странѣ и въ ея, пока Вильгельмъ Оранскій не будетъ выгнанъ на Континентъ и Яковъ Стюартъ не возвратится въ Лондонъ. Пока похититель трона будетъ господствовать въ Уайтгальбъ и Вестминстеръ, въ Англіи не возстановится спокойствіе. Только его паденіе можетъ упрочить миръ. Кроме того, друзья мои, надо подумать и о другомъ вопросѣ: религія приходить въ упадокъ. Я говорю не только о католическихъ, но и о протестантскихъ приверженцевъ короля Якова. Долго-ли еще этотъ сбродъ иносенитовъ будетъ вытѣснять протестантизмъ, между тѣмъ, какъ католикамъ угрожаетъ усиленіе Витговъ, проповѣдующихъ атаку и поклявшихся принять крестную крѣпость. Яковъ Стюартъ торжественно обязалъ себя уважать всѣ религіи,—онъ не надѣется на себя, подобно Францу, максимистами, чтобы подъ прикрытіемъ ея вѣрше уничтожить почитателя истинной религіи. Итакъ, не будетъ мира и въ церкви—пока царствуетъ Оранскій—только съ его паденіемъ прекратятся всѣ раздоры. Онъ остановился; лордъ Говардъ началъ говорить.

Ваше высочество въ короткихъ словахъ выразилъ намъ волю короля и обѣщала его одобреніе. Собравшіеся здѣсь сегодня составляютъ лишь незначительную часть приверженцевъ короля Якова. Мы всѣ дѣйствуемъ въ его пользу и такъ какъ здесь невозможно помѣстить *всѣхъ* приверженцевъ Якова, то я могу увѣрить васъ въ слѣдующемъ: Мы, здѣсь собравшіеся, имѣемъ такое значеніе въ обществѣ нашихъ товарищей, что они повѣрятъ всему, что мы имъ скажемъ, такъ, какъ бы они слышали своими ушами. Поэтому то ваше высочество, мы обязаны произнести востаніе не раньше, какъ узнаемъ: какую помощь доставитъ намъ король Яковъ? Оранскій хорошій полководецъ, войско его всегда готово къ битвѣ и еще предано ему. Мы до тѣхъ поръ не можемъ обаять меча, пока король Яковъ не выйдетъ въ Англію съ вспомогательнымъ войскомъ. Мы не должны рисковать кровью нашихъ сыновей, родныхъ и подчиненныхъ. Если-же мы

подъемъ за одно съ вспомогательнымъ войскомъ, то побѣда несомнѣнна.

— Лордъ Говардъ, сказалъ Берникъ, мы говоримъ такъ, какъ сѣдовало ожидать отъ джентльмена, хорошо знающаго страну. Но король подумаетъ и объ этомъ. Полагая, что его приверженцы въ Англіи многочисленны и охотно будутъ сражаться за него, король Яковъ сдѣлалъ уже необходимыя приготовления. Онъ получилъ торжественное обѣщаніе могущественнаго союзника, короля Франціи, Людовика XIV: въ тотъ самый день, когда въ Англіи встанутъ Яковиты, на Континентъ высадится французская армія. Людовикъ можетъ теперь оказать намъ помощь войсками, потому что во времени пораженія при Намюрѣ онъ уже вложилъ организовать свою армію. Начальство приметъ знаменитый Буффьеръ, въ Кале уже совершаются приготовления, города и гавани наполнены солдатами, кораблями—здѣсь же, въ Англію, всюду королевство, въ виду имѣется финансовою кризисъ, недостатокъ въ деньгахъ, сомнѣніе въ безредности правительственныхъ дѣйствій. Вы ясно видите, друзья мои: это путешествіе Вильгельма служить лишь средствомъ для знакомства съ настроеніемъ умовъ, для того, чтобы, при помощи ложного великоумія, склонить въ свою пользу общественное мнѣніе—вы видите, что онъ чувствуетъ себя не безопасно—о, друзья мои, нужна только наша добрая воля, встаньте за Якова Стюарта; отъ сильнаго толчка козосъ несправедливости сдвинуть съ своего таиннаго пьедестала.

— Мы извергнемъ его! воскликнула нѣсколько голосовъ.

— Мы встанемъ противъ него, въ тотъ день, когда обѣщанная армія Людовика высадится на англійскій берегъ,—но не раньше», пропелъ твердымъ голосомъ Лордъ Бамфилдъ. Что сказалъ Говардъ, то говорю и я.

Берникъ молчалъ въ смущеніи—онъ ожидалъ немедленнаго согласія на его предложеніе.

Общанія французомъ не очень-то заманили для Англіи, а сказали мрачный Фергусонъ: «уже два раза мы тѣсно надѣлись».

Берникъ подождать нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ въ обществѣ воцарилась тишина; затѣмъ онъ провозгласилъ: «я прошу лорда Барклая прочесть прокламацию короля Якова».

(Продолженіе будетъ).

ПЛЕВЕЛЫ ВЪ ПШЕНИЦѢ.

(Продолженіе).

VI.

Конецъ счастью.

На слѣдующее утро графъ, проходя мимо комнаты жены, остановился и спросилъ, сидѣвшую у окна, Розу, можетъ ли онъ видѣть графиню.

— Я думаю, да, ваше сѣтельство, хотя я еще не была у графини, но знаю, что ее сѣтельство уже ждетъ.

— Доложите.

— Служаю, ваше сѣтельство.

Вѣсть съ возвратившейся Розой, вошла въ комнату Сузи.

— Графиня проситъ васъ войти, довольно дерзко сказала она.

Графъ помогъ къ женѣ, намеръ-конфера послѣдовалъ за нимъ по патамъ.

Діана, совершенно одѣтая, сидѣла за родемомъ, но она не играла. Она странно переживалась за эту ночь. Она не была болѣе хороша, черты лица ея приняла какое-то безжизненное выраженіе. Съ обыкновенной, но на этотъ разъ принужденной, улыбкой, она проговорила:

— Доброго утра.

— Я пришлю за тобой, Діана, чтобы вмѣстѣ идти къ завтраку. Вчера мы почти не выдвинулись,

у тебя былъ мигрень. Я пришлю узнать отъ моего здоровья и сказать тебѣ многое, гдѣ я былъ вчера, что дѣлалъ....

— Объ этомъ не забудь, Бибби, сказала она сухо, желая, впрочемъ, придать голосу несколько тоны. Я совершенно здорова, гдѣ ты былъ, я.... я прошу тебя мнѣ не говорить, не говорить ничего.

— Но я долженъ сказать тебѣ!

— Я прошу тебя не говорить.

— Чортъ возьми, съ кѣмъ же и говорить мнѣ о серьезныхъ вещахъ, какъ не съ женою. Это у тебя старая привычка. Еще въ первое время послѣ нашей свадьбы ты не хотѣла, чтобы я разсказывалъ тебѣ, кого я любилъ, кого являлся.

— Ты довольно мнѣ объ этомъ разсказывалъ, Христіанъ. Я любила тебя какъ свой идеалъ, какъ можетъ любить вѣстнатель дѣтныя пансіонера. Твои разсказы о подругахъ, о собутыльникахъ, (это неблагозвучное слово я узнала отъ тебя) разрушали мои иллюзіи. Что хочешь ты теперь сказать? опять о подругахъ и собутыльникахъ. Какъ хочешь, но прошу тебя, не дѣлай этого. Не ради иллюзіи прошу тебя, но ради того, что события, буди окружающая, не интересуютъ меня болѣе.

— Не интересуютъ? ты....

— Ну да, не интересуютъ, я болѣе не ребенокъ, милостивый государь.

Діана проговорила эти слова шутливо, но она дѣйствительно не шутитъ, она болѣе не ребенокъ.

Графъ Христіанъ взглянулъ на нее; взгляды его страненъ. Онъ видимо разстроганъ. «Слава Богу», свисаетъ у него съ губъ; послѣ нѣкотораго молчанія онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ даль. Діана также молча продолжала сидѣть у окна. Въ утѣ ея мелькнула вчерашняя мысль:

— И этого человѣка могла я любить?

Его мысли были радостны. Онъ думалъ:

— Наконецъ и мы знаемъ, какъ всѣ прочіе. Моя жена будетъ моимъ другомъ, а не тираномъ, я тоже буду счастливы!

Онъ былъ счастливъ въ эту минуту, съ тѣмъ, что былъ свободенъ.

Она была спокойна. Ея рыцарскими изъ романовъ, дѣйствіями иллюзіи улетѣли далеко. Она чувствовала въ душѣ такое спокойствіе, о какомъ никогда не думала. Ея даже казалась, что она преиспитъ мужа.

Онъ подошелъ къ ней совсемъ счастливый.

— Наконецъ, ты теперь моя благодарная, милая Діана! пойми мой другъ, такая любовь, о которой ты мечтала, въ сущности есть—мученіе. Наша жизнь до сихъ поръ была принужденіемъ. Наше сегодняшнее объясненіе пришлось для меня какъ нельзя болѣе кстати. Я долженъ былъ разсказать тебѣ, что съ мной случилось въ моей жизни. Я....

— О да, да! превращаю она, дай мнѣ твою руку Христіанъ и пойдемъ завтракать.

— Ну, такъ я разскажу тебѣ завтра, неся отъѣзду ея мужъ, бери ее за руку обими руками и цѣлуй въ губы.

Въ эту минуту графиня показавъ ея такъ мало сомнѣе! ни faint, она отвернулась отъ него и въ ея мысляхъ промелькнуло Винаго. Мысль о небрежности невольно закралась въ ея голову.

Послѣ обѣда Роза пришла сказать графинѣ, что Жанъ знаетъ кое-какія новости о незнакомомъ и если графиня хочетъ, то....

Но съ утратой любви, графиня потеряла всякое желаніе узнать что нибудь о незнакомомъ, поэтому, по приказанію госпожи, Роза удалилась, получивъ совѣтъ не являться болѣе съ такими пустяками. Роза отпавшая въ тетушкѣ Муртъ, комелье которой всегда была открыта для тѣхъ, кто приносилъ ей по болѣе спешенъ. Отъ Розы тетушка узнала, что Жанъ узналъ отъ трактирнаго слуги, будто графъ являлся въ Золотомъ Бм.

къ квартирѣ на двѣ недѣли и впередъ заплатамъ дѣлать. Роза получила за эту новостъ удовольствіе. Жанъ получилъ также удовольствіе, Суанъ и Поризъ заключили между собой миръ и союзъ, такъ какъ, по ихъ предположенію, послѣ развода молодой графиня будетъ жить у тетки. Винаго узнала все отъ Жана, вслѣдъ притомъ свои дорожныя вещи, такъ какъ, по его сообщенію, графа слова побѣдятъ съ нимъ путешествіемъ. Винаго была въ путешествіи. Онъ, между прочимъ, при свиданіи съ графиней, разсказалъ ей нѣсколько скандальныхъ изъ жизни ея мужа, — теперь разсказывать вѣдь можно, все равно они разведутся.

УШ.

Причины развода.

На другой день графъ Христіанъ, противъ своего обѣщанія, не помогъ гулять до завтрака; онъ остался дома и, уютно сѣдя въ своемъ кабинетѣ, писалъ какое-то письмо. Онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа; какое-то особенное чувство, чувство свободы, овладѣло имъ.

Окончивъ дѣло, онъ быстро одѣлся и сошелъ внизъ. Въ столовой онъ встрѣтился одного Винаго. Губернату тетушка Марта еще наканунѣ отпирала въ сосѣдствѣ въ замокъ. Отсутствія ея никто и не замѣтилъ.

Графъ тотчасъ же отправился въ комнаты жены. Въ первой комнатѣ Роза вынимала изъ комодовъ и шкаповъ кружева, платки и прочія принадлежности данскаго туалета и укладывала ихъ въ сундуки; все имѣло видъ, будто владѣтельница этихъ вещей собралась въ дальнюю дорогу. Роза поклонилась графу съ такимъ видомъ, какъ будто она не была ей больше господиною.

- Графиня одѣта?
- Нѣтъ еще, графъ.

— А да вотъ и сама Суанъ; что, графиня одѣта? спросилъ графъ вошедшую камерфрау.

— Графиня еще не одѣвалась, она совсѣмъ не встанетъ до обѣда съ постели, она нездорова.

— О! съ безпокойствомъ воскликнулъ графъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направлению къ двери, но онъ былъ остановленъ сумрачной камерфрау, которая своей персоной загородила дорогу.

— Графиня строго запретила мнѣ впускать къ ней кого бы то ни было; у ней очень сильная мигрень; при ней одна графиня Марта, которая приказываетъ ей по абу лютимъ лизина.

Лично графъ покрѣпчалъ отъ гнѣва, но онъ, не сказавъ ни слова, отошелъ къ окну. Въ умѣ его промелькнула мысль, что онъ напрасно считалъ себя счастливѣйшимъ человекомъ и что жена его не образованна, а изъ счастливѣйшей влюбленной сдѣлалась чуть не вроду его. Онъ терпѣлъ свою правую сторону и въ эту минуту искренно желалъ, чтобы замокъ со всѣми его обитателями провалился сквозь землю.

Графъ обернулся и хотѣлъ идти, но встрѣтился лицомъ къ лицу съ графиней Мартой, которая, тихою подерзаніемъ, стояла за нимъ. Она подавляла графа чѣмъ то очень доволна, потому что полуоткровенно, полумаскированно смотрѣла на графа.

Она была одѣта въ блѣое камеширное платье, а голова покрыта блѣлымъ же утреннимъ чепцомъ. Въ этомъ нарядѣ она очень походила на гениа анны.

— Жаль, что ты оглянулся, смѣясь проговорила она, я хотѣла заставить тебя отгадать, кто стоитъ за тобой.

- Что дѣлаетъ Динна?

— Ей лучше, конечно. Была ли бы я въ противномъ случаѣ такъ весела? Теперь она спитъ. Она дала мнѣ порученіе поговорить съ тобой; пойдемъ, пойдемъ въ мою комнату.

Графъ Христіанъ вздохнулъ свободно.

— Очень радъ, тетушка, но не теперь, мнѣ надо идти въ деревню.

— Къ этой дамѣ? лукаво спросила графиня. Но у тебя вѣрно еще полчаса времени. Пойдемъ со мной, я нѣмѣ сообщитъ тебѣ нѣчто очень важное. Отгадай-ка! Наутра, ты уже въ деревнѣ знаешь?

Шутливый тонъ графини Марты несказанно радовалъ Христіана.

— Салава Богу, моя жена вѣрно дѣйствительно образованна. Она вѣжливо подаетъ теткѣ руку и повѣсь ее въ ея комнату.

Входящій въ себя, тетушка подвинула племяннику кресло, а сама усѣлась на свою кушетку.

— Садись Христіанъ и слушай, Дина поручила мнѣ переговорить съ тобой о разводѣ.

Графъ, болѣе чѣмъ удивленный, посмотрѣлъ на тетку и увидѣлъ, что она дѣйствительно не шутитъ. Радуюсь своей свободѣ, онъ никакъ не предполагалъ, чтобы она простиралась такъ далеко.

— Развѣстис! воскликнулъ онъ, а по какой причинѣ?

— По той простой причинѣ, что вы не любите больше другъ друга! Дина отговаривала вашу жену, воображая, что любить тебя, А я, женившись, принесъ себя въ жертву. Разныя можно было ожидать. Но сердце разлосось, глѣда на васъ и на эту драму. Положите на меня, дѣти, я на своемъ вѣку устрою уже восемь разводовъ. Дина умоляла меня вести дѣло, такъ, когда можешь ты этимъ изнѣжить Христіана? Не можешь ли ты постѣ одѣти въ деревню, а теперь переговоры о дѣлахъ? Ну?

Весь этотъ монологъ, тетушка проговорила самымъ невнимнымъ тономъ.

— Ну, повторила она, ударивъ племянника по плечу.

А онъ, какъ истуканъ, продолжалъ сидѣть на мѣстѣ.

— Развѣстис! воскликнулъ онъ наконецъ, вскопчивъ со стула; но это невозможно! Дина не можетъ желать этого.

Въ волненіи, графъ быстро заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Люди развода, когда ненавидятъ другъ друга, съ удивленіемъ на каждомъ словѣ сазала тетушка. Она остановилась за руку ходившаго мимо нея племянника и серьезно спросила его:

— Христіанъ, скажи откровенно, развѣ ты любишь Дину? Тетушка при этихъ словахъ такъ хитро замѣкнулась, какъ будто заранѣе знала его отвѣтъ.

— Да, чортъ возьми! воскликнулъ онъ, я люблю Дину, какъ всенный мундъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества любилъ свою жену. Признаюсь, я требованія отъ меня постоянныхъ объясненій въ любви иногда надоедали мнѣ. Я надѣялся, что она сдѣлалась благоураженіемъ и думала, мы жили-мыслили счастливо. Разводъ! Вѣдь не ненавижу же она меня?

— А почему же нѣтъ? заливисто спросила графиня Дина, утлая въ глумливой своей кушетки.

— Дина меня ненавидитъ! Великій Боже! за что?

— Очень просто, потому что она долгое время воображала, что любить тебя.

Графъ вдругъ успокоился, какъ будто кто объяснилъ его воды; ему стало грустно, очень грустно. Мысль, что Дина перестала его любить, была ему менѣе тяжела, чѣмъ мысль, что Дина никогда его не любила. Прогнанные годы показались ему такими пустыми и безоцѣнными.

Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ опершись на спинку своего кресла. Его красивыя живые глаза безсознательно были устремлены на коверъ, но онъ ничего не видѣлъ, хотя, казалось, внимательно разсматривалъ персидскій узоръ.

(Продолженіе будетъ).

Р Л Г А.

РАСПЛАТЪ.

— Ты пойдешь сегодня къ Дурасовымъ? спрашиваетъ одинъ французъ своего пріятеля, у театральнаго подъѣзда.

— Нѣтъ, ужина вѣдь хорошаго не будетъ, а чтобы танцовать съ барышнями, не стоить хвать; я лучше отправлюсь къ Покровской, она завтра танцуетъ въ Корсаръ. Нужно же предупредить, что я ей подношу подарокъ, а послѣ ужина, у меня да и повеселѣю проведемъ время, чѣмъ ты съ Дурасовыми. И потомъ, что это за Дурасовы, вѣдь они не du grand monde, а я, ты знаешь, я бываю въ высшемъ кругу, и я же въ самомъ низшемъ.

— Правда, они не большого свѣта, но очень порядочныя особы; дочь ихъ не такъ пуста, чтобы находить удовольствіе кружиться всякій день на балахъ.

— Ужъ ты не влюбленъ ли. Братчикъ? Женщины — меня на свадьбу позвали. Впрочемъ, теперь не принято жениться на сѣтеной барышнѣ, вслѣдъ порядочный человекъ выбираетъ себѣ поутру жизни изъ театральнаго міра. C'est le genre.

— А какъ хороша сегодня была Зюбана, что за ножки, а плечи, плечи-то. Просто роскошь.

— Ну, только тебѣ мечтать о танцовщицахъ, пойдешь лучше къ Дурасовымъ, они прислали тебя привести. Не хорошо, подумай, что ты пренебрегаешь ими.

— А ты ими очень дорожишь?

— Дорожу.

— Ну, для тебя, пожалуй, такъ и быть, пойдешь.

Братчикъ и Крушинскій пріѣхали поздно, уже танцовальныя кадрили, модала хозяйка пріѣхавшаго изъ очень мило, и замѣтила, что пріѣхали слишкомъ поздно. Кадрили скоро кончались, раздался упреждающій вальсъ. Крушинскій, вальсировавъ съ Ольгой (такъ звали дочь Дурасовъ), любезный, разговорчивый, увѣрлялъ, какъ-то сожалѣлъ, что онъ далъ слово своимъ кунамъ хвать съ ними въ театрѣ, что онъ былъ бы у нихъ первый, чтобы имѣть честь танцовать съ ней маэру. Одинъя словомъ, слыша его рѣчи, Бетчикъ не зналъ, что и думать. Не Бахусъ-ли это говоритъ. И старался его всегда отводить отъ Ольги. Бетчикъ не сѣтеной былъ человѣкомъ, онъ не подозрѣвалъ, какъ можно говорить противъ своихъ убѣжденій, а пріятель его, напротивъ, могъ говорить и дѣйствовать противъ себя. На другой день бала всѣ бы, которые пріѣхали къ Дурасовымъ въ первый разъ, были у нихъ съ извѣстомъ. Крушинскій не явился. Это не много удивило Ольгу; вѣроятно, онъ пріѣдетъ завтра, думала она, и опять ошиблась; онъ болѣе у нихъ не былъ, даже, если встрѣчался на улицѣ, то дѣлалъ видъ, будто не узнаетъ Дурасовыхъ. Это было Ольгу, она хотѣла сказать Бетчику, но гордость не позволила ей.

Нѣсколько времени спустя былъ объявленъ балъ въ собраніи. Ольга ждала этого въ нетерпѣніи: ей хотѣлось блеснуть своей красотой, показать свой хорошенькій туалетъ, только что пріезженный изъ Парижа — она думала произвести эффектъ и сдѣлать много похвѣ. Но пріѣхавши на балъ, увидѣвъ такую толпу, она совершенно смутилась, ей стало неловко, и она сейчасъ же ушла домой, есслибы на это согласилась ее мать. Бетчикъ ей представилъ канальеровъ, но все не тѣхъ, которыхъ она желала. До маэруки она со скупченіемъ и ушла отъ танцевъ. Крушинскій глѣбалъ ее, онъ былъ знаетъ, любезенъ, нравился все, съ графинями да съ княгинями. Но справедливости онъ не стоилъ ноготка Ольги. Ольга была хороша, ее замѣчательнѣе тинъ придавалъ ей что то величавое; ни чья головка не носила лучше ей корону. Бетчикъ скрывалъ свою любовь къ Ольгѣ. Во время музыки Ольга жаловалась на головную боль.

— Не отъ оркестра ли, Ольга Дмитриевна, — можно съѣсть на другой концертъ.

— Итъ, отъ скуки, никогда больше я не поеду на балъ.

— Отчего, неужели можно такъ скоро разочароваться?

— Да, я вполне разочарована, и теперь только понимаю, все, все, все.

— Что? Ольга Дмитриевна, скажите мнѣ, пожалуйста, неужели я не достоинъ любви?

— Итъ, не скажу, это мой секретъ.

Они много говорили, и договорились до того, что къ кону маэури Бетцки сдѣлать предложение. Ольга согласилась быть его женой, но съ условіемъ отложить свадьбу на годъ.

Бетцки помирися съ этимъ, тѣмъ болѣе, что онъ ожидалъ довольно выгодное мѣсто на югъ Россіи.

— Прійдите завтра утромъ, и мы объявимъ матери, сказала Ольга, своимъ тихимъ, симпатичнымъ голосомъ. Мать будетъ рада, что я выхожу замужъ за благогоушаго человека. Она мнѣ всегда твердила: не ищи богатства, а вѣрнаго друга. Какъ вы думаете, пошла я его?

— Неужли вы сомневаетесь, Ольга! я васъ такъ люблю, особенно теперь, въ такіе хорошии дни, ягерь, и неужли я когда нибудь измѣню вамъ, и выйдъ другъ на жизнь.

На другой день мать узнала о словѣхъ, данныхъ ей дочерью Бетцкому. Ты будешь счастлива, Ольга, говорила она со слезами, они мнѣй человекъ. И въ тотъ же день усадила своего будущаго зятя въ деревню, за старымъ серебромъ и за кружками, на вѣчное платіе. Какъ ее не убѣждали, что до свадьбы далеко, она и слышать ничего не хотѣла. Прежде, устрою все, а потомъ буду ждать и отдыхать.

Женхъ оставаясь въ деревнѣ недѣлю. Въ его отсутствіе Дурасова получила письмо съдѣлающаго содержания: «Милостивая государыня Марья Федоровна. По окончаніи шести недѣль кончины нашего брата Петра Федоровича Дмитрева, раскрыто его завѣщаніе, въ коемъ сказано: Все движимое и недвижимое имущество оставляю прямой наслѣдницѣ, племянницѣ моей Ольгѣ Дмитриевнѣ Дурасовой. Золотые и серебряные прики, чужбинный заводъ, 12 тысячъ десятинъ земли въ Оренбургской губерніи, усадьбу и трехъ атланжнй догъ, со всеми принадлежностями. Все это поступаетъ во владѣніе дочери вашей.

Душенприказникъ.

М. М.

Ольга отъ души жалѣла своего дядю, она любила его. Богатство же обрадовало больше маменька. Странное стеченіе обстоятельствъ: слѣбба, смерть, наслѣдство. По всему городу разнеслось о безчисленныхъ милліонахъ, которые получила Ольга. Она мгновенно выросла въ глазахъ свѣта; откуда вдругъ явились качества. Ужъ ее называли красавицей, что она просто Сафо, qu'elle est si comme il faut и проч. и проч. Занюмы увеличивались съ каждымъ днемъ, обогатеніе толпились вокругъ нея. Всѣ и не переживались въ ней, только она осталась всегда милой, простой и снисходительной. Крупнѣйшій прежде не казался ей, теперь дѣлаетъ предложение, и держитъ пари съ своими товарищами, что онъ женится на Ольгѣ и заплатитъ имъ всѣ свои долги. Каково же было его удивленіе, когда онъ получилъ отказъ, проигравши значительное пари и, не имѣя чѣмъ заплатить долгъ, исчезъ безъ вѣсти. Хорошъ герой?

Послѣ свадьбы, разъ какъ то Ольга сидѣла съ музыканъ, за чайнымъ столомъ. Помнишь, Дмитрій, когда ты мнѣ дѣлалъ предложение я была счастлива?

— Да, отъ чего это?

— Оттого, что на меня никто не обращалъ вниманія, исключая тебя; мнѣ даже казалось, что всѣ надо мною сидѣли.

— Но теперь, очередь мою пренебрежъ. Побѣдимъ въ деревню и будемъ тамъ жить, дѣлать добро и помогать бѣднымъ крестьянамъ, эти люди насъ дѣйствительно полюбятъ. Свѣтъ будетъ роптать, что я не умѣю употребить мои деньги, что нужно окружить себя роскошью, давать балы, рауты...

— Итъ, позамысли отъ всего этого, я не рождена для свѣта. Удѣлимъ, удѣлимъ. Молодые 2 года уже жинуть въ деревнѣ, счастливыи, у нихъ нѣтъ дѣтей, мужъ занимается хозяйствомъ, а жена устроила у себя школу и дѣйствительно всею околдовала ихъ богатворить.

Правда, Ольга счастлива не можетъ быть въ нѣхрѣ свѣта.

По поводу книги г-жи Левальдъ „За и противъ женщинъ“.

Въ послѣднее время, у насъ такъ много толкутъ о социальномъ положеніи женщинъ, о расширеніи круга ихъ дѣятельности, о ихъ равноправности съ мужчинами, такъ много пишутъ и разбираютъ со всѣхъ сторонъ этотъ вопросъ, что, казалось, можно бы ожидать его благопріятнаго разрѣшенія. Но, къ несчастью, на дѣлѣ выходитъ нѣсколько иначе. Настоящее общественное положеніе русской женщины, безъ сомнѣнія, нельзя сравнить съ ея положеніемъ въ тридцатыхъ годахъ, но всесторонняя ея дѣятельность слишкомъ ограничена и пройдетъ еще много времени, пока она займетъ принадлежащее ей мѣсто, наряду съ мужчиной. Женская эмансипація выработается покоящими, и не въ одной только Россіи, но и на западѣ, гдѣ въ настоящее время женскій вопросъ подвинулся не много дальше нашего. Это заключеніе вывели мы изъ книги г-жи Левальдъ „за и противъ женщинъ“, гдѣ подробно разбирается общественное положеніе германской женщины. Не давно эта книга появлялась въ русскомъ переводѣ г. М. II—уса, и въ настоящемъ очеркѣ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей съ ея содержаніемъ.

Въ краткомъ предисловіи, посвященномъ Джону Стюарту Миллю, извѣстному поборнику женской эмансипаціи, г-жа Левальдъ замѣчаетъ, что „духовная нищета и матеріальная нужда“ германской женщины, заставили ее наконецъ серьезно обдумать свое социальное положеніе, и побудили стремиться къ болѣе самостоятельности, а затѣмъ, въ формѣ писемъ, указывать на различныя проявленія этой жажды практической дѣятельности, и сообщать свои наблюденія надъ развитіемъ самостоятельности женщинъ въ Германіи.

Проведя параллель между положеніемъ и значеніемъ русской и германской женщины, мы приходимъ къ далеко неутѣшительнымъ результатамъ. И у насъ, и въ Германіи, какъ много дѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, большая часть мужчинъ и самихъ женщинъ, на бракъ и семейную жизнь смотрятъ, какъ на исключительную цѣль и призваніе дѣвушки, и не отводятъ ей ни одного угла въ сферѣ общественной дѣятельности. Между тѣмъ, благодаря независимости и полезной самостоятельности женщинъ могутъ быть достигнуты только тогда, когда въ ея рабочему труду будутъ относиться съ такимъ же уваженіемъ и доверіемъ, какъ къ труду мужчинъ. Сколько женщинъ, послѣ смерти содержавшаго ихъ мужа или отца, остаются въ жалкой нуждѣ и не видятъ исхода изъ этого бѣдственнаго положенія. А между тѣмъ, если предоставить женщинъ, не стѣняясь, безчисленнымъ предубѣдамъ, занимающимся тѣмъ, на что она способна, то число несчастныхъ, вѣрнее, уменьшится на половину. Г-жа Левальдъ сама страдала отъ этого ложнаго пониманія женской самостоятельности: съ болѣзненнымъ трудомъ и подъ условіемъ страшнѣйшей тайны, отецъ позволялъ ей заниматься авторствомъ, въ

которому она всегда чувствовала призваніе, и только послѣ смерти ея отца узнали, что дѣвушка сама зарабатывала себѣ содержаніе. Это было 28 лѣтъ тому назадъ—но много ли измѣнились взгляды большинства. Ремесленная женскія школы, еще неавѣстныя въ Россіи, открывшіяся въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи, по примѣру парижской Ecole professionnelle pour femmes, не имѣютъ особеннаго успѣха, и неимение родителей рѣшается послать туда своихъ дѣтей. На это, конечно, есть основательныя причины, а между прочимъ то обстоятельство, что въ обществѣ тѣхъ школъ, въ Лейпцигѣ, плато за обученіе, правда, не однимъ ремесломъ, но также музыкѣ и пѣнію, назначена около тысячи талеровъ. Г-жа Левальдъ справедливо замѣчаетъ, что родители, могущіе платить такую сумму за воспитаніе дочери, не позволяютъ ей заниматься ремеслами. Женскія ремесленные школы могутъ однако принести большую пользу дѣтямъ мѣщанъ, ремесленниковъ и вообще низшаго общества. Въ примѣръ г-жа Левальдъ приводитъ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ, что разумный и полезный ремесленный трудъ женщинъ приводитъ къ прекраснымъ результатамъ. Въ Германіи, авторка предпринимаетъ также торжественно дѣло, когда возмизъ вопросъ о реальныхъ школахъ для мужчинъ. Тогда статскіе совѣтники и помѣщики чиновники ужасались мысли видѣть своихъ симолей ремесленниками, а ремесленники мечтали о сыновьяхъ—чиновникахъ. Когда же общество убѣдилось въ неадекватности этого предубѣда, то чиновники и купцы первые начали обучать своихъ симолей ремесламъ. Вѣроятно и теперь, изъ этого же круга должно ожидать пераго толчка, который подвинетъ дѣло женскихъ реальныхъ школъ. А когда станетъ извѣстно, что эти ремесленники имѣютъ хороший доходъ, число желающихъ обучаться ремесламъ вырастетъ на половину, и общество начнетъ видѣть въ женщинъ работниковъ, такую же способную, какъ и мужчину. Главное—позволить принимать и на дѣлѣ доказывать осуществимость и пользу женской самостоятельности. Въ пользу этого вывода, г-жа Левальдъ говоритъ, что одна бѣдность принуждала женщинъ къ ремесленному труду, но что разумные и просвѣщенные мужчины заставляли своихъ дочерей заниматься ремеслами, и приводитъ въ примѣръ Филиппа Даниэля Липперта, предпринимателя Висселяма, которому во всѣхъ его работахъ помогала дочь. Въ развитіи ремесленнаго труда женскіе основаніе брака и семейной жизни, и причину увеличения числа браковъ, п. ч. тогда мужчина, женись на дѣвушкѣ, своими руками зарабатывавшей себѣ хлѣбъ, можетъ быть болѣе увѣренъ въ ея привѣрзанности и въ томъ, что она выйдетъ замужъ не съ одною цѣлью пристроиться и обезпечить свое существованіе на счетъ мужа. Въ Швейцаріи ремесленное положеніе женщинъ лучше, чѣмъ въ Германіи: тамъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ большинство женщинъ занимается какими нибудь ремесломъ; общество смотритъ на это какъ на вещь обыкновенную, и въ дѣвушкѣ, содержащей себя работой, не видитъ ничего страннаго и предубѣдлительнаго.—Въ Германіи, какъ у насъ, занятіямъ женщинъ въ магазинахъ и конторахъ даютъ не много ходу. Но въ этомъ случаѣ, вина падаетъ на самихъ женщинъ, или, лучше сказать, на тотъ кругъ общества, изъ котораго берутся обыкновенно конторщики и модисты. Если бы нѣсколько скромныхъ, честныхъ и нравственныхъ женщинъ взяли эти должности, и примѣромъ своимъ показали бы, что прекращеніе легкихъ отношеній и безнравственности, господствующихъ въ мѣстахъ общей работы мужчинъ и женщинъ, зависитъ отъ самой личности женщины, отъ ея нравственнаго благородства, то, конечно, купцы, банкиры и проч., теперь такъ неохотно принимающіе ихъ къ себѣ, измѣнили бы свой взглядъ и не имѣли бы powodu жаловаться

на безпрестанныхъ скандалахъ исторіи, происходящихъ въ конторахъ и магазинахъ.

Вопросъ о женскомъ университетѣ, у насъ въ такомъ же положеніи, какъ и въ Германіи, т. е. уровень образованія германскихъ женщинъ стоитъ еще такъ невысоко, что объ университетѣ нечего и думать, а слѣдуетъ прежде всего заботиться объ основаніи реальныхъ школъ. Теперь дѣшья дѣтъ 18-ти, окончивъ курсъ въ учебномъ заведеніи, знаетъ меньше, чѣмъ хорошей ученицѣ третьяго класса гимназіи. Низкая степень развитія женщинъ доказывается и тѣмъ, что сами онѣ, кромя немногихъ исключеній, гонятся только за вѣшностью и доводятся ею до.

Кромѣ того, противъ занятій въ университетѣ сообщаютъ мужчине и женщины, въ Германіи встаютъ, говоря, что часто профессора разсказываютъ своимъ ученикамъ такіе анекдоты, что женщинамъ невозможно ихъ слушать, и что вообще неприлично женщинамъ, на женскомъ курсѣ въ особенности, вѣдать и развѣтывать тѣло. «Но», возражаетъ г-жа Левадьи, «развѣ профессора, такимъ образомъ профанирующіе свое знаніе и кафедру, не могутъ быть смѣнены? и наконецъ, развѣ моральное достоинство женщины не сможетъ остановить эти грубыя выходки? Что касается вопроса пункта, то развѣ обязанности сестеръ милосердія не предписываютъ имъ оказывать въ госпиталяхъ, совершенно чужимъ людямъ, такую услугу, какія отъ нихъ не приманъ бы въ обыкновенное время отъ дочери?»

Въ числѣ благотворительныхъ учрежденій Берлина, г-жа Левадьи упоминаетъ о пріютѣ для бездомныхъ женщинъ, открытій съ 9 ч. утра до 10 ч. вечера, имѣющемъ такой успѣхъ, что уже предполагается расширить его и основать такой же пріютъ для мужчинъ, и разсказываетъ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ дѣйствительно громадную пользу этого заведенія. Дѣше, она указываетъ на успѣхъ народной кухни, всѣмъ наемщицамъ работницамъ, и устроенной весьма незамысловато. При входѣ, каждая посетительница получаетъ контръ-марку; члены общества, дежурящіе по очереди, наблюдаютъ за порядкомъ въ столовой, и всѣхъ персоналъ заведенія состоитъ изъ кухарки, ея помощницъ и сборщица билетовъ въ входа. При такой простой обстановкѣ, заведеніе процвѣтаетъ: пища отличная и столовый всегда полны посетительницъ, которые ведутъ себя совершенно прилично. Затѣмъ, г-жа Левадьи переходитъ къ хозяйству вообще и предлагаетъ нѣкоторымъ женщинамъ устроить хозяйственную ассоціацію, что гораздо выгоднѣе, чѣмъ готовить каждая на себя: онѣ выигрываютъ бы и время, и деньги. Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ развитія эмансипаціи.

Эмансипація женщинъ произошла въ Германію изъ Франціи, вскорѣ послѣ итальянской революціи, и первой ея проповѣдницей была безсрашечность, «эмансипація плоти», и полная распущенность. Эти идеи проводились во всѣхъ французскихъ романахъ, которые теперь сами французамъ называютъ «l'apothéose de la courtisane», и германцы которыхъ были развратными женщинами. Поэтому, тогда самое слово «эмансипація» считалось неприличнымъ, а сочиненія эти, по справедливости, непозволительно грязными. Затѣмъ, въ обществѣ возникли болѣе серьезныя идеи. Появилось желаніе относительнаго освобожденія всего человечества и требованіе эмансипаціи женщинъ пришло болѣе достойный характеръ. Теперь женщины свободно стали на томъ пути, по которому каждый шагъ, 50 лѣтъ тому назадъ, имъ приходилось брать съ бою. Впрочемъ, въ настоящее отношеніе общества къ эмансипаціи проявлялось только относительно женщинъ высшаго круга. Никто не находилъ страннымъ и неприличнымъ, что служанки, дочери мелкихъ лаковниковъ и ремесленниковъ, своими работами добываютъ себѣ хлѣбъ, и пользуются обществомъ въ такой

же мѣрѣ, какъ мужчины. Женщинамъ достаточны и высшіе сословія, сами, настоящую женственность понимали только въ существованіи безположительнаго труда, въ чтеніи романовъ, бранчанъ на фортепиано и вывадахъ, а на всякое ремесло смотрѣли, да и теперь смотрятъ, съ презрѣніемъ, какъ на занятіе, недостойное ихъ. Въ этомъ отношеніи, въ Германіи уровень умственнаго развитія дочерей пасторовъ, небогатыхъ древнихъ дворянъ и учителей, гораздо выше уровня развитія аристократовъ. Какъ выше сказано, это въ развѣдъ большинства общества на женской трудъ былъ причиною несчастія многихъ женщинъ. Бѣдныя и одионокія женщины должны сами содержать себя: это такъ просто и понятно. Общество съ полнымъ убѣжденіемъ провозгласило это приговоръ, и само заграждаетъ всѣ пути къ добычанію насущнаго хлѣба. На что кинулись женщины, не имѣющія никакихъ основательныхъ познаній, не знающія никакого ремесла?

Всѣмъ принято и утверждено мнѣніе, что способности женщины стоятъ ниже способности мужчинъ, что между женщинами никогда не было ни великихъ историковъ, ни математиковъ, ни ученыхъ. Но извѣстно, что животныя отъ культуры облагораживаются, и совершенно это передается каждому новому поколѣнію и продолжается имъ. Умственные способности мужчинъ развиваются и совершенствуются уже 3000 лѣтъ, а на развите женщинъ никогда не обращали вниманія. Учредите реальныхъ школъ, гимназій, развите женщинъ на поприщѣ гражданской, политической и законодательной дѣятельности, — черезъ пятьдесятъ лѣтъ женщины займутъ свое мѣсто на ряду съ мужчинами, и эта равноправность, которую теперь отвергаютъ съ недоумѣніемъ умники, станетъ неоспоримымъ, осязательнымъ фактомъ.

Сравнительно съ женщинами другихъ странъ, женщины въ Швейцаріи пользуются болѣе свободою и болѣеими правами. Тамъ существуетъ женская семинарія, и женщины служатъ при почтахъ и телеграфѣхъ. Многія занимаются ремеслами и содержатъ магазины. Имъ известны всѣ политическія и общественныя дѣла: съ ними знакомятъ ихъ сужденія и споры, которые онѣ принимаютъ съ дѣтства слышавъ въ своемъ семейномъ кругу. О правѣ голоса женщины не хлопочутъ, требуютъ только, чтобы имъ предоставлено было аннулированіе тѣмъ, къ чему онѣ способны, будь то медицина или скульптура. Въ выборѣхъ онѣ не участвуютъ, какъ не служатъ въ военной службѣ, но во время войны ихъ мѣсто въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ.

Американки, кромѣ всего этого, требуютъ еще болѣеаго участія въ законодательствѣ. Въ мужчинахъ, безъ исключенія, имѣютъ право поднимать голосъ при составленіи законовъ, поэтому и женщины, поднимаясь этихъ законовъ наравнѣ съ мужчинами, справедливо могутъ требовать и участія въ ихъ составленіи.

Г-жа Левадьи полагаетъ, что и швейцаркамъ должно быть предоставлено избирательное право, въ силу неоспоримаго принципа: равная обязанность, равныя права, п. ч. и въ военное время, теряя постой и увеличенные налоги, женщины часто теряютъ свою поддержку — мужей и сыновей.

Книгу свою г-жа Левадьи заключаетъ обращеніемъ, вполне примѣнимымъ и къ нашимъ женщинамъ: она убѣждаетъ ихъ бростъ модные вычурные наряды, потащающіе такъ много денегъ у отцовъ и мужей, подумать о своей младшей братіи, отречься отъ пустоты существованія, употребить часть денегъ, предназначенныхъ на бѣстѣіи трагикъ, на покупку книгъ, и вообще стремиться къ эмансипаціи въ высшемъ и благороднѣмъ значеніи этого слова.

ФЕЛЬБЕТОНЪ.

Успѣхи женщинъ въ искусствѣ владѣть революверами. — Женский вопросъ. — Взглядъ Дарвина на выхожденія родовъ. — Фактъ изъ Варфоломеевской ночи и Рессанскаго погрома. — Послѣние гостиницы Рашеллю и Ристори. — Докторъ, требующій прибавки къ платѣ за визиты. — Принахисныя лавки, отказывающія въ кускѣ мяса для больного. — Богачъ домохозяйства, выстраивающій на умилу бѣдное семейство. — Купецъ Діагинъ, истязавшій лошадей. — Воззваніе къ моимъ читательницамъ.

Женщины дѣлаютъ замѣтно быстрые шаги на пути эмансипаціи. Онѣ начинаютъ искусно владѣть революверами. Правда, что американскія женщины уже давно бѣстѣе заявляли себѣ въ этомъ искусствѣ; многія изъ нихъ уже дрались на дуэляхъ и, какъ слышно, выходили побѣдительницами; но наши русскія дамы, по видимому, не хотѣтъ отставать отъ нихъ. Это замѣтно по той ревности, съ которой онѣ начинаютъ упражняться въ стрельбѣ. Читательница вѣроятно припомнитъ, какъ пѣлая Рыбаковская судима была за то, что она убилъ въ револювер своего злободѣнаго. Не прошло года съ тѣхъ поръ, и вотъ въ послѣднее время рука женщины вновь является вооруженной революверомъ, съ тою только разницею, что на этотъ разъ она наноситъ смертельный ударъ самой себѣ. Ударъ этотъ наносится не въ порывъ гнѣва или страсти, а съ полнымъ самообладаніемъ, по заранее обдуманному плану. Самоубійцей является 18-ти лѣтняя, прекрасной наружности, благоговѣстная дѣвица, пользовавшаяся, какъ казалось, записными успѣхами въ свѣтъ и тѣмъ болѣе поразившая грустною неодолимостью своей незнахисны къ себѣ. Мотивъ въ обиходъ этихъ случаевъ одинаковъ: любовь. Ахъ, эта любовь! Не даромъ поэты сравниваютъ ее съ пламенемъ! Конечно, онъ рѣдко видѣтъ въ ней пожирющее пламя, но тихое, сжигающее душу; мнѣ же кажется, напротивъ, что она рѣдко дышитъ тихимъ пламенемъ, а является такимъ лишь въ видѣ исключенія; вообще же — это истерическое пламя, поддерживаемое одними только жертвами. И притомъ этого пламени и даже дражде оно отнѣсся въ тѣмъ, кто ему приноситъ себя въ жертву. Я понимаю, что можно и даже слѣдуетъ пустить себѣ пулю въ лобъ, проигравъ казенныя деньги; проигравъ даже свою собственную значительную сумму; проигравъ значительное сраженіе; не получивъ по службѣ поощренія, ожидаемаго награды; но стрѣлять себѣ въ бокъ, предвѣзительно опунувъ то мѣсто, гдѣ бѣе сердце, пѣзъ изысканнаго расстройствъ въ расхолахъ любви — это непорочно, это — смѣшно — нѣтъ, не смѣшно, а... нѣтъ, а на столько возмущающія этия мысли, что не подберу подходящаго слова. Вы, читательница, вѣроятно, не согласитесь со мною, и возразите мнѣ на это, что я, конечно, не испытываю любви, когда говорю такой вздоръ; но вы бы меня прайше такъ возмѣрили обидѣли, такъ какъ, смѣю утверждать васъ, что я влюбленъ вѣе разе; но только всѣмъ разе, когда въ расхолахъ моей любви замѣчательна нѣботорую общность, я не задумываюсь надъ нѣмъ, а перечеркиваю ихъ крестообразно, переходя къ другому подобному же расхолахъ; итакъ, отъ расхолахъ къ расхолахъ приходю — такъ наконецъ въ удачному расхолахъ, и желая бы, чтобы мой привѣръ не остался безъ подражанія.

И горчай сторонникъ такъ-называемаго женскаго вопроса, но хотѣтъ бы, чтобы онъ разрѣшился естественнымъ путемъ, т. е., чтобы женщины не вдругъ кидались на революверъ и ижилажи, а оставаясь поамѣстѣ это оружіе въ рукахъ мужчинъ, и продолжая до времени любить, какъ любими ихъ бабушки и прабабушки, принимались за все, то было бы соотвѣтствовать ихъ природѣ,

а тамъ... кто знаетъ? Время все измѣняется; оно находитъ и женскую природу, и я нисколько не сомнѣваюсь, что придетъ и то время, когда изъ женщинъ составятся храбрые полки, дивизіи, корпусы, арміи; когда въ военномъ raportъ будетъ писаться: «я превосхождишь г-жа на начальницъ дивизіи, или госпожъ корпусной командири, или госпожъ главнокомандующей такой-то арміи. Конечно, и въ настоящее время существуютъ de facto эти чины, но тогда они будутъ существовать de jure. Все это можетъ быть и все это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, какъ доказываетъ г. Даринъ, мы далеко отстали отъ человѣческаго первообраза. По его мнѣнію, тѣ люди были украшены пышными хвостами; по рту имъ выжили, больше и на столько крѣпкіе зубы, что совершенно свободно, нисколько не пугаясь въ теперешнихъ покахъ, вырывали ими куски мяса; находили для себя болѣе удобными дигаться на четверенькахъ и во многомъ грутѣмъ отстали отъ теперешнихъ нашихъ правовъ, обычаевъ, модъ и свѣтскихъ привычекъ. Конечно, г. Даринъ замощаетъ все слишкомъ далеко въ своихъ предположеніяхъ, даже нисколько обидныхъ для насъ, потомокъ нашихъ почтенныхъ предковъ, тѣмъ не менѣе я вѣрю въ то, что мы значительно замѣнились и еще будемъ измѣняться; и тогда то и ни слова не скажу въ мою пользу фельетонъ, когда услышу, что такая-то дама, за обиду нанесенную ее мужу, вызвала на дуэль госпожу такую-то и убѣла ее изъ революзера или зарушила ее въ куски саблей. Но если это случится, то что же это будетъ? огрубѣние женскихъ чувствъ? Нисколько. Близъ можетъ — замѣнятся ихъ взгляды, близъ можетъ огрубѣть ихъ мышцы, но чувства останутся тѣ же. Видъ вышнейшая исторія приводитъ намъ такой фактъ, что посль Варфоломеевой ночи, когда улицы Парижа были буквально агромождены до такой степени трупами зарѣзанныхъ и убитыхъ Гугенотовъ, что всаеное движеніе по нимъ прекратилось, и когда, какъ для постановленія этого движенія, такъ и для избѣжанія заразы, Карлъ IX приказалъ убрать ихъ какъ можно скорѣе, — то придворныя дамы уприсидали короля, чтобы ихъ не убирали еще, а сѣдали бы только свободнымъ проѣздомъ по улицамъ. За тѣмъ они отпразднаны въ экипажахъ на прогулку и, остававшіеся переди груды человѣческихъ тѣлъ, съ большимъ любопытствомъ разсматривали обезображенные трупы. Посль въ своихъ часахъ, употребленныхъ этими мыслями существами на ихъ артистическую прогулку, онъ возвратился какъ-бы съ самого веселого представленія и затѣмъ уже было приступлено къ уборкѣ труповъ.

Если съ этимъ, все-таки довольно отдаленнымъ отъ насъ, примѣромъ сопоставить болѣе близкое къ намъ и, такъ сказать, событіе послѣднихъ дней, то увидимъ, что женскій нравъ ни мало не замѣнился. Я говорю о событіи, совершившемся въ послѣднихъ числахъ марта въ Одессѣ. Когда административная власть по упрощеніи города прибѣгнула къ несправедливымъ мѣрамъ и стала совершать эзекуцію на площадяхъ, то дамы въ напѣшихъ экипажахъ останавливались въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ производилась эзекуція, и наблюдали за ходомъ этихъ операцій. Правы жеши останутся тѣми же, какими они были прежде, какими мы ихъ видимъ въ настоящее время. Я весьма даю отъ мысли, что приведеннымъ мною примѣрами опровергнуть природную женскіе нѣжность, тонкость чувствъ. Напротивъ, даже въ приведенныхъ примѣрахъ, на первый взглядъ не вполнѣ говорящихъ въ пользу женской чувствительности, и дѣлаю только тотъ выводъ, что онъ одарены способностью къ пассивности, сповойной, холодной наблюдательности, а въ этомъ заключается важная поруга въ ихъ успѣхахъ на пути совершенствованія. Видъ Рашель и Растори нѣредко присутствовали въ госпиталяхъ, пригнодшихъ умирающихъ и радостно и съ наслажденіемъ

садились за конвульсіями и предсмертными ихъ судорогами. Дѣлаю онъ это изъ любви къ искусству, и кто изъ выдающихся этихъ двухъ актрисъ на сценѣ не признаетъ, что онѣ вѣрно воспроизводили моменты послѣдней борьбы жизни съ смертью? Кто посль этого станетъ доказывать, что дамы Варфоломеевой ночи и одесского поторма присутствовали на описанныхъ мною арѣшанцахъ лишь въ пустого или, лучше сказать, перваго любопытства, а не съ какой-либо опредѣленной, благой цѣлью?

И кто увидѣть въ этомъ поступкѣ благую цѣль. Не всегда можно по наружнымъ признакамъ судить безошибочно о внутреннемъ содержаніи. Случается, что поэты и живописцы присутствовали при страшныхъ казняхъ и потомъ въ произведеніяхъ ихъ анализис поразительнымъ своею вѣрностью картины. А между тѣмъ кто, не зная ихъ внутреннихъ побужденій, видѣлъ ихъ въ толь нмѣлительно садились за крованой процедурой, тогда легко могъ-бы истолковать эти внимательные взоры не въ пользу истиннотъъ челоѣческой природы. Равнымъ образомъ изъ того, что доктора съ изумительнымъ хладнокровіемъ копаются въ челоѣческихъ трупахъ, можно, пожалуй, вывести заключеніе, что они безчеловѣчны, очерствѣлы души. Всѣмъ, однакожъ, извѣстно, что доктора, потъ ихъ чортовой оболочкой, скрываютъ безчеловѣчно нѣжное сердце. Вирочемъ, въ сѣмъ не безъ грѣха, и вотъ тому примѣръ.

Недавно, одикъ весьма небогатый чиновникъ приказалъ доктору къ избыточной холерѣ женѣ своей. Посль третью винта онъ вручилъ доктору 3 р., т. е. по 1 рублю за вышитъ. Эскузалъ оскорбился этимъ поступкомъ, наговорилъ цѣлый ворохъ непріятныхъ словъ чиновнику и потребовалъ отъ него прибавки еще трехъ рублей. Наваста эскузалъ унизилася познаннымъ устыжкомъ: озадаченный чиновникъ побѣдилъ какъ вѣкъ, едва начавшей оправиться, поспѣшно выхватилъ у нея послѣдніе 3 р., и перелавъ ихъ эскузалу, удалился съ строгимъ внипательнымъ физиономіемъ. Оказалось, что чиновникъ заплатъ деньги на лекарства, и дѣлалъ, такъ сказать, послѣдними крохами съ докторомъ, но немудимый эскузалъ не удовольствовался этимъ и забралъ всѣ крохи; и омарчилъ онъ этихъ сребролюбивыхъ поступкомъ свѣтлую душу чиновника, и ухудшилъ состояние здоровья больной, отъ которой не слыхать скрытъ растерявшейся мужъ такого казусаго дѣла. За то эскузалъ, возвративъ болѣе, напервое потѣшилъ свою супругу, жалва ей 6 р., домытыхъ имъ тяжкимъ трудомъ, на дожу въ балаганъ Малафѣева (дѣло было на святой недѣлѣ).

Въ разсѣлѣ съ такимъ поступкомъ денари, т. е. челоѣка образованнаго, я могу поставить только слѣдующую выхodu невѣжественной приказника мелочной лавки, помѣщающейся въ Мокшой улицѣ, въ домѣ № 16. Изъ квартиры жильца того же дома была послана служанка въ эту лавку за кускомъ яда для больной, истерзанной кроиво изъ легшихъ. Такъ какъ дѣло происходило вечеромъ, то приказникъ отвѣчалъ посланной: «теперь поздно: за ядомъ въ погребѣ не найдемъ». Когда же присута сказала ему на это, что больная сильно страдаетъ, что у нее кровь лезетъ горломъ, онъ съ той же непоправимой пропой продолжалъ: «везите вашу больную на Неву, тамъ холодно и луду много. Докторъ, присутствовавшій при больной, послалъ во второй разъ, но приказникъ такъ твердъ въ своемъ сѣлѣ, и заперевъ какъ погребѣ съ ядомъ, свою приказническую душу, и не впускалъ въ нее чувства состраданія, возразилъ все тѣмъ же тономъ: «спустъ ваша больная похворѣетъ до утра, тогда дадимъ яду». Только внимательство городского, призваннаго докторомъ, заставило приказника измѣнить своему непреклонному нраву.

Вирочемъ, въ настоящее время примѣры не рѣдки, гдѣ гордонные, люди необразованной среды, дають практическое уроки челоѣчности

и челоѣколюбія людямъ высшей цивилизаціи. Вотъ одикъ изъ числа этихъ примѣровъ:

Купецъ К...., владѣющій двумя большими домами на Васильевскомъ островѣ, выдѣленныхъ имъ терріями неплатежомъ денегъ за квартиру изъ одной комнаты, занимаемую въ подвалѣ его дома вдовою, съ 4-ми дѣтми, вынорилъ ее, вмѣстѣ съ дѣтми, въ страшную субботу, на улицу. Положение семьи болѣе отчаянно грустное. Не трудно себѣ представить, что мать и дѣти заливались слезами, поглядывая на затворившіеся за ними ворота 4-хъ этажнаго дома и открывшіеся передъ ними непривѣтная даль тротуаръ, холодной улицы. Излился городской, высунувъ жалобы нещастной матери, сурово взглянувъ на 4-хъ этажный домъ и повелъ безпріятныхъ въ свой домъ (полицейской буди), который, уступивъ имъ всецѣло, самъ повѣстивъ въ буди своего товарища. Физиологъ обращаетъ исключительное вниманіе на мозгъ челоѣка и на устройство вышнейшаго мозга — головы. Эти наблюденія привели къ изъ различнаго рода болѣе или менѣе положительнымъ выводамъ, само собою разумется, допускающимъ безчисленное множество исключеній. Въ мозгу они хотѣтъ найти ключъ къ разлѣченію всѣхъ особенностей, замѣчавшихся въ жизни владѣльца этого мозга. Садѣлаво бы ученымъ повнимательнѣе также присмотрѣлись къ челоѣческому сердцу — нѣтъ ли въ его отдѣлахъ особыхъ отдѣленій съ надписями, на одномъ: вышнейшее любивъ; на другомъ — вышнейшее корыстолюбивъ и т. д. Если бы такого рода наблюденія надъ челоѣческими сердцами привели къ тому положительному факту, что такіа отдѣленія въ нѣкоторыхъ сердцахъ существуютъ, то тогда мы бы стали иначе относиться къ явленіямъ, подобнымъ тому, какое намъ представилъ поступокъ г. К.... домылавшаго и поступокъ городского — владѣльца на полицейской буди. Мы бы тогда прямо, безъ всякихъ укоризнъ, направленныхъ къ одному и похвалѣ — къ другому, сказали: что-жъ, какъ ни грустно оно и отродно другое, но такъ и быть должно; вѣрно въ сердцѣ К.... существуетъ отдѣленіе, наполненное эскупіи, возбуждающей страсть къ золоту, а покажу и все сердце знато отъ отдѣленій; онъ не полнитъ въ своемъ поступкѣ; онъ не виновный, но жалкій челоѣкъ. И многое тогда странное загадочное въ челоѣкѣ легко бы объяснилось.

И объяснися бы тогда дивновидный фактъ, надъ которымъ задумалось общество покорнѣтства животнымъ. Фактъ дѣйствительно изумительный, требующій физиологическаго объясненія. Купецъ Шапкинъ, содержатель публичныхъ каретъ, давнѣйшій народъ на разныхъ улицахъ Петербурга, состоя членомъ общества покорнѣтства животнымъ въ теоріи, на практикѣ занимается азѣшнымъ и неаппѣлибельнымъ мученіемъ тѣхъ именно животныхъ, котора, дигая съ утра до поздней ночи эти неуказные рыданы, заставляють передѣлать значительную массу типичнотъ чиниковъ изъ наравномъ пасадирова въ карналь купца Шапкина. Когда въ собраніи членовъ общества была прочтена записка, раскрывавшая картину того положенія, въ какомъ находится лошади, составляющія главный источникъ обогащенія Шапкина; когда при этомъ было заявлено, что занимающійсь извощикомъ промысломъ купецъ Шапкинъ, за крайне безчелоѣвное отношеніе къ животнымъ, неоднократно подвергался штрафамъ, — большинство членовъ пришло въ неоправное, но весьма понятное негодованіе и громко требовало удаленія изъ общества столь недостойнаго его члена. Намѣши, однакожъ, такіе члены, которымъ мнѣніа противорѣчили мнѣнію большинства, и потому вопросъ объ исключеніи Шапкина изъ членовъ общества, сдѣлавшіеся спорнымъ, почему-то остался не разрѣшеннымъ. И не знаю правъ общества и его взглядовъ на свои обязанности, но если-бы я былъ его членомъ, то вѣрнотю понашъ бы возможнымъ, уприся на устахъ, предложитъ

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Независимо отъ существующаго здѣсь слишкомъ 15 лѣтъ моего магазина, подъ Думой, № 6, а съ 14-го февраля сего года открытъ такой же магазинъ серебрянныхъ и золотыхъ вещей, подъ тою же фирмою, на Невскомъ просп., въ домѣ Католической церкви № 8.

ГАВРИИЛЪ ГРАЧЕВЪ.

Поспѣшая довести объ этомъ до свѣдѣній почт. публики, имѣю честь покорнѣе просить не отказать новому моему предпріятію въ томъ же довѣріи, какого удостоился прежній мой, существующій также, магазинъ.

(287) 3.—3.

ПО ПРОСЬБѢ МНОГІХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ Я ЗАКАЗЫВАЮ РОССІЙСКИЕ ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

Цѣна первыхъ 4 томовъ „Всѣмирной иллюстраціи“.

1869 г., т. е. томы I и II вмѣстѣ, 12 р., съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненые золотомъ, переплеты—16 р. съ пересылкою 19 р.,

1870 г., т. е. томы III и IV вмѣстѣ—12 р., съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненые золотомъ, переплеты—16 р., съ пересылкою 19 р.

1871 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками №№ „Всѣмирной иллюстраціи“ за 1871 годъ, т. е. для томовъ V и VI, явятся уже также роскошные покрывающіе для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Издатель „Всѣмирной иллюстраціи“ **Германъ Гоппе**.
(288)

ВЪ КОНТОРѢ КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ
ГЕРМАНА ГОППЕ,

въ С.-Петербургѣ,

на Большой Садовой улицѣ, домъ Ильина, № 16,

Продаются слѣдующія изданія:

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ.

GUIDE DU VOYAGEUR EN RUSSIE

par J. BASTIN;

ST.-PETERSBOURG,

ses Environs immédiats et ses résidences Impériales; Schlüsselburg et les îles du Ladoga, Moscou, Novgorod, Nijni-Novgorod, Kazan, Toulou, Orel, Koursk, Kharkof, Poltava, Kiouff, Odessa, la Crimée, Réval, Riga, Narva, Viborg, Helsingfors, Varsovie etc.

avec Notices historiques, statistiques, littéraires etc.,

l'indication des lignes routières de l'empire russe, un plan de St.-Petersbourg, un plan de Moscou, une carte de la Russie, un catalogue des tableaux de l'Hermitage et un petit guide de conversation français-russe.

Въ англійскомъ переплетѣ. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп. (292)

РБЕЦЪ для сниманія рисунковъ и выкроекъ продается въ Конторѣ Редакціи журнала „Модный Свѣтъ“, у издателя **Германа Гоппе**, по Большой Садовой ул., д. Ильина, № 16.

Цѣна 60 коп., съ пересылкою 1 р.

(291)

Главная Контора Редакціи (**ГЕРМАНА ГОППЕ**) находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, въ д. Ильина, № 16.

Дополненіе центуровъ. С.-Петербургъ, 22 Апрель 1871 г.

Издатель **Германъ Гоппе**.—Редакторъ **Ю. Померанцева**.

Типографія **А. М. Котомкина**. Невск. просп. д. № 18.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ОПИСАНІЕ ВСЕРОССІЙСКОЙ Мануфактурной Выставки 1870 года,

изящный иллюстрированный альбомъ.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ

— 76 изящно исполненныхъ рисунковъ —

съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ Выставки; описаніе этихъ предметовъ; виды Выставки; замѣтки о лицахъ, представившихъ свои произведенія; указатель экспонентовъ по классамъ и раздѣламъ; списокъ наградъ и пр. и пр.

АЛЬБОМЪ МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКИ

будетъ служить для публики и гг. экспонентовъ

ВОСПОМИНАНІЕМЪ О МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1870 ГОДА

и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ подаркомъ. Для послѣдней цѣны имѣются экземпляры въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями.

ЦѢНА АЛЬБОМУ ВЫСТАВКИ:

Безъ переплета и перес. 4 руб.; съ пересылкою 5 руб.

Въ коленкор. переплетѣ 5 руб.; съ пересылкою 6 руб.

Требованія адресовать въ Контору Редакціи „Всѣмирной иллюстраціи“ (**Германъ Гоппе**), на Большой Садовой ул. домъ Ильина, № 16, въ С.-Петербургѣ. (289)

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ МОДНОЙ МЕБЕЛИ. DESSINS DE MEUBLES MODERNES.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ 16 листовъ, съ 60-ю типичными исполненными рисунками и можетъ быть полезенъ не только для мебельщиковъ, но и для любителей.

Цѣна Альбому 3 р., съ перес. 4 р. с.

Главный складъ находится у книгопродавца-издателя **Германа Гоппе**, на Большой Садовой ул. д. Ильина, № 16. (290)

Хромофотографированный

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1871 г.,

на лучшей плотной бумагѣ. Цѣна 10 коп.; съ перес. 20 коп.

(Изданіе **Германа Гоппе**, на бол. Садовой ул. № 16, въ С.-Петербургѣ). (293)